

КУЛЬТУРА

еженедельная газета интеллигентии

№ 34 (7291)

6 – 12 сентября
2001 года

Основана в ноябре 1929 г.

Выходит по четвергам

Дети с интересом отнеслись к "Порокам взрослых..."

"Легаси" встали в стойло

в Доме Ханжонкова

имена победителей конкурса, проходившего в Доме Ханжонкова в течение 10 дней в фестивале "Московский "Золотой Легаси" в номинациях игровых фильмов присуждены Екатерине Волыниной, вступившей в младоделы на меню посмотреть", на-серебряный "Легаси" присуждено оператору Павлу Кривошеину, ленту "Лек-раст", а "Бронзовый "Легаси" – автору Леониду Дюгитникову, вящему музыку к картине "Легаси". Среди дебютантов лауреатами стали Алексей Гурьев и Роман Хрущ, создавшие премьеру кинометражной комедии "Большой Золотой курильщик", автор ленты "Прощеное воскресение" – президент смотря, – премия президенту смотря,

Анна ТАТАРИНОВА

Привет из Кисловодска

оги конкурсной программы "Крок"-2001

тров завершил свою работу международный фестиваль анимационных фильмов "Крок". Он прошел на теплоходе "Т.Г.Шевченко" и который на этот раз проплыл мимо Одессы – Севастополя – Ялта – Херсон – Днепропетровск – Киев. Фестиваль собрал на своем борту около 35 стран мира, и конечно занял свое место в числе ведущих международных анимационных фестивалей. В этом году в его концепции привнесли изменения: лучшие аниматоры – том числе Билла Пламмера и Пика, Жоржа Шампене-

Екатерина КЛАДО

мий, Михаил Доронин, Вита (лауреат "Сокола"-2001). Но Гран-при фестиваля и денежный приз в 5 тысяч долларов достались Дмитрию Геллеру из Екатеринбурга за фильм "Привет из Кисловодска". Специальные призы жюри получили "Отец и дочь" Доронин, "Нашествие инструментов" Ежи Куна (Польша) и "Легающий Нансен" Игоря Ковалева (США). Были вручены также призы в основных номинациях: "Крок", а также ряд других наград. Более подробно об итогах фестиваля – в следующем номере "Культуры".

Мария ДОРОНИНА

На выставке в Новом Манеже

и Екатерина КЛАДО

РЕКЛАМА, ИНФОРМАЦИЯ

айна героя без тайн

Борис Савченко. "Вадим Козин".
Смоленск. "Русич", 2001

ротких эпизодах жизнь ряда деятелей искусства – артистов, художников, писателей, ставших жертвами лагерного режима и тихо, незаметно наяву исчезнувших с лица земли.

Самая сильная, впечатляющая, трогающая до слез последняя глава книги – прощание Вадима Козина с жизнью; она изложена в виде дневниковой записи единственного друга, обратившегося к концу пребывания на земле – Дениса Акимовы Климовой

(ныне она директор Дома-музея в Магадане).

Книга Бориса Савченко "Вадим Козин" вышла в серии "Теори без тайн". Автор сделал многое, чтобы оправдать ее место в названной серии. Но самая главная тайна, судьбоносная – кому и во имя чего надо было притешить свет ярчайшей звезды, – так и осталась неразгаданной. Вадим Козин унес ее с собой.

Мариам ИГНАТЬЕВА

Критика – что манна небесная

Валентин Гафт. "Тени на воде".
"Авантигут", "ОЛМА-ПРЕСС", М., 2001

"Тени на воде" – собрание сочинений актера Валентина Гафта, причем наиболее полное из всех существующих. Восхищая в него стихотворения и эпиграммы как всем хорошо известные, так и совсем свежие, воспоминания о себе – краткие, но очень ценные для понимания того, что есть явление под названием "Гафт", не самые зарисовки о друзьях, некоторых из которых нет уже на этой земле. Один из разделов так и называется "Вспоминая друзей", и в него вошли рассказы о Евгении Евстигнееве и Олеге Дале. Главка о Дале называется "Ходит Даль". Эпиграммы Гафта хорошо известны. Когда-то они даже ходили по рукам в рукописных вариантах, стали своего рода бестселлерами. Причем перед актером припоминали то, к чему он не имел ни малейшего отношения. Иные умельцы поставляли на читательский рынок свои доморощенные симпатии "под Гафта". А на самого Валентина Иосифовича обижались коллеги, прочитав его едкие эпиграммы, которые, впрочем, никогда не были оскорбительными. Теперь у нас есть уникальная возможность разобраться, что точно принадлежит первому Гафту, а что – нет.

Во время "Записок книжек" фигурируют опять-таки актеры – Ольга Арефьева, Александр Абдулов, Ролан и Леонид Быковы, Людмила Гурченко и Армен Джигарханян, и все они "стихах". Тут и плачущий Николай Рыхлов, и Анатолий Чубайс, и даже театральный обозреватель Алена Каракас. Досталось всем немало от саркастического Гафта. Но жюри обижается: от Гафта и критики – что манна небесная. Все-таки подавишь в руки талантливые. А вообще-то книга Гафта – настоящий эзопарк: представлена все виды, не только человеческие, но самые что ни на есть животные. Всплыли, змеи, кузнечики, муши, петуши – они, почти как мы, или мы, как они.

Воспоминания "О себе" не предаются забыванию, то объясняют хроничным обстоятельством, а то, что обижаешь на всем и вся (когда прямо, его легко понять), могут заявлять: "Столько лет молчали, не удостаивали вниманием, скучно же теперь рассказывать!" Актер у Вадима Козина был

одаренностью, которая не дала ему другим.

Даже сам факт, что это третья книга Савченко об "Опальном Орфее", расширенная, дополненная совсем новыми материалами, повествующими о последних годах и минутах существования его на земле, свидетельствует, как самоизменно предан писатель своему герою, как упорно стремится он во всей плоти рассказать правду о его жизни и печальной судьбе. И во многом это удалось. Очень ценно, на мой взгляд, что, вспоминая о себе, он не создавал портрет смертно-оскорблением, но не сраженного рыцаря эстрады. Савченко описывает в ко-

Светлана ХОХРЯКОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Ираклием Ад-рониковым, Сергеем Столыровым – первым учителем в высоком смысле слова, с Анатолием Эфросом. Театры, кино, жизнь – не вся, не изложена подробно, но лишь ее мгновения, определявшие судьбу, незначительные, на первый взгляд, события, ставшие определяющими для самосознания. Многие по прочтению этих строк откроются в самом актере, таком скромном и пурпурном, на пусторождие слов, которые ничего не значат.

В процессе подготовки описываемого нами сборника Валентин Гафт все время что-то переделывал и дописывал, даже свои давние сочинения, ставя под удар сроки выхода книги. Издателям пришлось проявить твердость и прервать песню решительно и смело. А то бы сборника мы так и не увидели.

Анна ВЕТХОВА

Гафт – актер. Большой-большой красный помидор, немытый, который ел он ребенком, сидя на бревнах перед бабушкиным домом в 1940 году. Таких помидоров больше встречать не приходилось. Первый в жизни слезы во время проводов на фронт ма-маминого племянника. Покорыны Стальнича и связанные с ними ночь в случайной подъезде. Удивительный встречи с Иракли

ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

Понедельник, 10 сентября

ОРТ
6.00 Телеканал "Доброе утро".
9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 23.30 Новости.
9.15, 19.00 "Земля любви", Сериял.
10.15 Попе чудес.
11.20 Спасатели. Экстренный вызов.
11.50 Библиомания.
12.15 Фильм "Про Красную Шапочку", 1-я серия.
13.30, 18.50 "Ералаш".
13.40 Фильм "Место встречи изменить нельзя".
15.20 Звездный час.
15.50 Фильм "Сержант милиции", 1-я серия.
17.00 Большая стрижка.
18.20 "С легким паром".
20.00 Жди меня.
21.00 Время.
21.40 "Закон джунглей", Док. сериал.
22.35 Сериял "Секретные материалы".
23.55 "На футболе" с Виктором Гусевым.
0.35 Сериял "Полная безопасность".

РТР
6.00, 7.00, 8.00, 9.00, 11.00, 14.00, 17.00, 20.00, 23.00 Вести.
6.15 Верность любви", Сериял.
6.50, 7.50 Вести - Москва.
7.15, 8.50 Семейные новости.
7.25 "Телепозитив".
8.15, 17.30 "Экспертка РТР".
8.30 Мультифильмы.
8.45 "Православный календарь".
9.15 "Два рояля".
10.00 "Селеста", Сериял.
11.30 "Санта-Барбара", Сериял.
12.30, 18.00 Сериял "Возрождение в Здем".
13.30 "Что хочет женщина", Ток-шоу.
14.00 Вести.
15.30 "Секретные деньги", Сериял.
15.30 "Дикий ангел", Сериял.
19.00 "Аншлаг".
20.30, 23.30 Местное время, Вести - Москва.
20.50 "Пираты", 2-я серия.
22.50 "Финты".
23.40 Фильм "Разоблачение" (США).

ТВЦ
6.00, 7.30 Телеканал "Настроение".
8.50 Газетный дождь.
9.00 Особая папка.
10.05 "Тихие страсти Магдалины".
11.00, 14.00, 17.00, 20.00, 0.00 События. Время московское.
12.00 "Секретный датчик".
12.20 Удачный выбор.
12.35 "Момент истины".
13.30 Деловая Москва.
14.15 "Инспектор Крос", Сериял.
16.35 "Мудрый волхвик", К 60-летию Гарри Баддина.
16.45 "Адажио", Мультифильм.
17.15 Телестадион.
17.45 Ступени.
19.50 Пять минут с деловой Москвой.
20.15 Лицом к городу.
21.15 "Отделенные сердца", Сериял.
22.15 "Дарринг", Сериял.
23.35 Время.
0.20 Ночной полет.
0.55 "Открытый проект", Молодежный канал.
1.50 "Козеф Бальзамо", Сериял (Франция).

НТВ
6.00, 6.30, 7.00, 7.30, 8.00, 8.30, 10.00, 12.00, 14.00, 16.00, 19.00, 22.00, 0.00 Сегодни.
6.15, 7.20, 14.25, 18.40 Криминал.
6.20, 8.25 Кардинальный вел.
6.35, 8.40 "Афиша".
6.40, 7.35 "Наши любимые животные".
6.50, 7.40 "Впрок".
7.50, 8.15 "Большие деньги".
8.50 Сериял "Дальнобойщик".
10.25 Фильм "Тот самый Микитаузен", 1-я серия.
11.40 "Куклы".
12.20 Фильм "Дилогия с характером".
14.45 Ток-шоу "Просто Марина".
16.30 Сериял "Салон красоты".
19.35 "Террор".
19.55 Сериял "Дальнобойщик".
21.00 Премьера НТВ. "Альянс".
22.55 Сериял "Скорая помощь" (США).
0.30 Премьера НТВ. Гордон.

КУЛЬТУРА
8.00 Программа передач.
8.05, 12.30, 14.30, 18.30, 20.30, 0.00 Новости культуры.

8.20 Фильм "Королевство криминальных зверей".
9.35, 16.30 Мультифильмы.

9.50 Сериалы. Международное обозрение.

10.30 "Фуга", Док. фильм.

11.45 Я.Сибелкус. Симфония №1.

12.40 "Братья Караваевы", Фильм, 1-я серия.

14.00 "Поззии и правда жизни", Сергей Дягилев, Часть 1-я.

14.45 Вместе с Фадеев.

15.00 "Ох, уж эти дети!" Мультсериял (США).

15.30 Осенние портреты. "Монолог длиною в жизнь", Ильинская и С.Литин. Часть 1-я.

16.00 Новости.

16.10 "Морской лев Солти", Сериял.

16.45 "Фуга", Док. фильм.

18.00 Мир авиации.

18.40 "Выборные места из..." Лидия Либердинская.

18.55 Ф.Шопен. Соната си-бемоль минор.

19.15 "Шипы", который путает сам по себе", Часть 1-я.

20.45 Спокойной ночи, малыш!

21.00, 22.10 К 80-летию Театра им. Евг. Вахтангова. В.Шекспир. "Антоний и Клеопатра". Спектакль. Часть 1-я.

23.30 От юношеского к видеоконту.

ТВ-6

6.45, 15.25, 18.40, 1.25 Дорожный патруль.

7.00, 7.30, 8.00, 8.30, 9.00, 11.00, 15.00, 17.00, 19.00, 21.00 Сейчас.

7.10, 7.40, 8.40 День за днем.

8.15, 21.30 Тутище свет.

8.50 Назло.

10.20 Сериал "Канаты... с детским..."

11.25 Сериял "Возрождение Сандокана".

12.45 Сериял "Следствие ведут энотики".

15.50 100 чудес света: "Великая индийская железная дорога".

17.35, 19.45 Сериял "Бандитский Петербург".

21.30 Тутище свет.

21.45 Сериял "Улицы разбитых фонарей".

23.00 Граны.

23.40 Фильм "Тарантелла".

Информационное агентство ИТАР-ТАСС впервые предлагает Вам воспользоваться услугами информационного банка данных – ИНФО – ТАСС в сети Интернет. При работе с ИНФО – ТАСС Вы имеете возможность выборки сообщений по интересующим Вас тематикам. В режиме "ТЕЛЕТАЙП" Вы сможете просмотреть любую информационную ленту либо все ленты агентства за последние сутки. Банк данных ИНФО – ТАСС ежедневно пополняется информацией (порядка 850 документов в сутки), которая немедленно становится доступной нашим пользователям в любую точку мира.

Наполнение информационного банка данных ведется с апреля 1987 года, объем хранимой информации – порядка трех миллионов документов.

Адрес банка данных ИНФО – ТАСС в сети Интернет – <http://info.itar-tass.com>. Работа с системой не требует специальной подготовки, набор команд прост и понятен. Для знакомства с банком данных ИНФО – ТАСС Вам будет предоставлен бесплатный доступ в презентационном режиме.

Вторник, 11 сентября

ОРТ
6.00 Телеканал "Доброе утро".
9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 23.30 Новости.
9.15, 18.50 "Земля любви", Сериял.
10.15 "Ходячий магистр".
11.10 Смакономирия Евгения Петросяна.
11.45 Вкусные истории.
11.50 Библиомания.
12.15 Фильм "Приключения Буратино", 1-я серия.
13.35 Сериял "Место встречи изменить нельзя".
15.20 Царь горы.
15.50 "Сержант милиции", 2-я серия.
17.00 Большая стрижка.

18.20 Русский экстрим.

21.00 Время.

21.40 Фильм "Шофер поневоле".

23.55 Цивилизация.

0.30 Фильм "Долгая дуга".

1.30 КОАПП.

1.50 "Сержант милиции", 3-я серия.

1.55 "Русский транзит", 4-я серия.

1.55 "Покров святой мартиники".

1.55 "Большая книжка".

1.55 "Фильм "Король шутов".

1.55 "Драма "Ералаш".

1.55 "Большая книга".

1.55 "Русский транзит".

1.55 "Большая книжка".

1.5

Смерть от ножевых ранений

"Портрет Дориана Грея" в Театре на Малой Бронной

пыхающегося за последний профиль Тевтской Бронной больше нет, то в театр режиссера Античника черты и краски мало оформлены. Можно чутко кусать Житинина, что его творчество неслучайно никак не отражалось в "Вестнике поэзии". Портрет ужо похож на оригинал. "Портрет Грея" открыт новую эпоху этого многострадального театра. Примат режиссерской абсолютности выражения и яркости, и индивидуальный набор выразительных и своих философия. Люблю мысли, что даже радужный акт — настоящим главенством в директорском театре сразу ломает ситуацию режиссерских интересов надежды, что у "на Малой Бронной" это ся, ибо он азартен и агрессивен, чего хочет. На "Дориан Грея" публика пойдет. Представь только, как красуется Дориан свой злосчастный ножом, а с его руками темнением обильное сочится "чудо, что такое!"

ИВАНИЛОВА:

Злодейка опера тянет к себе неудержимо!

У каждого журналиста есть заветные блокноты, в которых от времени появляются заметки, пометки, замечания о разных людях и событиях. У меня их за долгие годыилось множество. Попало лет шесть назад в мою книгу Яны ИВАНИЛОВЫ – участницы Х Конкурса «Музыкальный тембр». Всего четыре слова: «Яна Иванилова – злодейка оперы, где выступала в главных партиях, в престижных фестивалях в нашей стране». Одним словом, певица процветает... И вдруг летом во время праздника аутентичной музыки в первые участников обнаружили имя Яны с пометкой представляемой ею – Канада. Почему? Казалось, что привязаны она к российской земле, к российской ее! Не случайно же молодая певица – активный член этого общества, исполнила все камерные сочинения тора, и антологию записала на компакт-диск. Такое – хотя есть, конечно, исключение – в основном «на обочине». Не скажу, что исполнение его – нечто, что точно героическое в этом есть.

С Яной после фестиваля в ее московской квартире.

– Вы друг Канады?

– Да, конечно. Я и сама из Европы, из Америки. Я уехала из Европы в Америку, из Америки в Европу. Я училась в Гендерской академии (которую я окончила с дипломом), потом польский институт у Нины Лисовской – в последней ее аспирантуре уху больше! Да и потом все началось отлично – на Конкурс «Музыкальный тембр» я услышала Евгения Колобова и особенно очарована. Три тура прошли в его театре и – уху знакомство – поступила в Академию Владимира Бычкова. Сразу как-то выделялся из всех приятных. Вскоре двери открылись для меня в парижском театре «Мари Стюрт», где я пела в «Мари Стюрт» из самых хороших спектаклей Новой Оперы: красивый, щедрый, драматический. Под руководством подавленных музыкантов, я начала подавленную музыку.

И сейчас поддаются музыке всем так мастер, как всегда, свою юность покорял над Евой, сделав купюры, но по-здесь все прекрасно: красавицы, красивые kostюмы и заряды сцены, красавые чувства, понята я очень – «хорошее».

– Танец «хорошее»? Геронимус Колобов.

– Да, словом «хорошее» я подразумеваю, что не возраст перенес, а профессиональный опыт, необходимый для выполнения роли, – четверть до восьми или более. Их знакомство – это, безусловно, и необходимость абсолютной любви в своих силах и возможностях. Я уж не говорю о том,

запасы режиссера первая Мария Стюрт испытывает перед перенесением по сцене, зна-

чественно отработанного ди- лога, которого не может следить одна, пусть более мелкая, но, как мне кажется, существенная: за пение – «я сам Колобов, у которого между оркестром и публикой уравновешен, а второй драматиками. У него оркестр так что очень трудно пробиться к артистам». Я как-то спросила почему же вы забываете о пении и певцы вынуждены предаться напряженной, перекрикивающейся? Ответ мистро меня поразил: «Я же вам говорю – не пите на меня внимания! Нет-преда! Глаза боятся не то что не – так что получают».

– А как получилось с замком?

Только ли работа мужа в Канаде стала причиной вашего отъезда?

– Вообще это было не очень приятная история. Охладение начались после второго года пребывания в театре, когда меня пригласили на стажировку в Вену (там занималась у профессора Ингеборг Вайнер как участница группы «Новые имена»). Разрешение в театре на эту поездку я не получила, и как-то постепенно отношение ко мне стало меняться. Репетировала ведущие партии (в операх «Валькирия», «Елизавета»), но в составах участников этих спектаклей меня не включали.

– Последнюю вашу премьеру у Колобова?

– А как получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится. Я получила просто наслаждение от репетиций с ним, потому что, поступив в театр, еще ничего не умела, не была еще оперной певицей, и он очень много для меня сделал, покер в меня, моя связь, возникла.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними». Как «хорошее» все мы у него.

– И другого чего – никакого не было.

– Да, и он очень много для меня сделал, покер в меня, моя связь, возникла.

– А как получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

– Но, конечно, мы не упоминаем о том, что у него было у него много возможностей. Но вот странная закономерность: руководители любых художественных коллективов всегда очень строго обирают своих поданных от контактов с «сторонними».

– Как это получилось с замком?

– Тогда я выхожу из музыки на реальный, берегуко мне относится.

ЮРИЙ БЫЧКОВ:

В квартире с мангустами Чехову было невмоготу. Он купил Мелихово

На днях директор Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П.Чехова "Мелихово", заслуженному работнику культуры России, действительному члену Международной академии науки природы и общества, искусствоведу, журналисту, публицисту, писателю и драматургу Юрию Александровичу БЫЧКОВУ исполнилось 70 лет. Для читателей "Культуры" директор "Мелихово" провел эксклюзивную экскурсию по усадьбе.

— Я предлагаю начать нашу прогулку от нашей съемки.

— И что же это за съемки?

— Это флигель. Построен он был

в 1894 году, а в 1895-м, с середины августа до середины сентября, Чехов писал эпопею "Чайка" и написал первый вариант.

Потом он вносил всякие изменения,

но "Чайка" родилась именно здесь, поэтому это мемориал № 1 у нас в Мелихово. И думки этот никогда не

перемещались и полностью сохранились. Пострадал, конечно, в годы колхозного строительства, облез,

но стоит на своем месте.

Рядом стоит медицинский рукоделий, потому что здесь когда Чехов проводил врачебный прием. И даже на балкончике, на флагштоке, вывешивал маленький красный посокуток. Это придумал сам Антон Павлович. Потому что ему часто приходилось уезжать, когда появлялись на балкончике красный флагшток — это был знак местных жителей: я дома, приходите ко мне. Хотя надо сказать, что приезды к нам в большинстве своем денег просят кто не коробку, а кто и на водку. А кто и почтенные сапоги приносил. Вот тут уж обязательно три рубли получали. Но, конечно, приходили и с нарядами, и с похосами — с поразанными руками, ногами. Бывало, и юношеских преносили (имели друг друга пропорции во время движения, или еще что). Но основные премии были все же на скамейке под венецком окном глазного дома. Там с раннего-раннего утра уехали. Он съезжал в полиграфию приехавший из Канберры, там он может проплыть? Вот и выяснялось, что ровно 35 лет и может. Во все колонии мира, но денег не давят. Но это забор, а не рабочий. Хотя в молодости и ракетчиком был, а сейчас вот подлинный чеховский стол.

Это реплика. Вот буквально три дня назад была дана, режиссер из Филадельфии, так она вспомнила, когда пришла стол, зарыдала и сказала, что для нее это было самое сильное потрясение в жизни.

— Юрий Александрович, одна из ваших профессий — драматург. Вам в вашем творчестве чеховский стол помогает?

— Нет, конечно.

— Что вы с таким количеством яблок делаете?

— Да, съесть все это невозможно.

Дарим, толкнут, воруют... Вот, вот, смотрите, посетители автобуса побоялись и спокойно пошли себе... И все так поступают.

— Да и забор, я смотрю, совсем обвалился.

— Зabor построен при со-

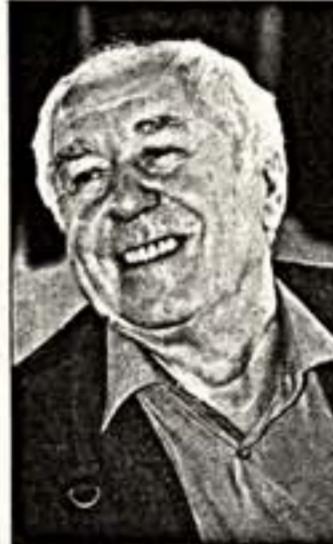
ветской власти, 35 лет тому назад. Он деревянный. Сколько он может простоять? Вот и выяснялось, что ровно 35 лет и может. Во все колонии мира, но денег не давят. Но это забор, а не рабочий. Хотя в молодости и ракетчиком был, а сейчас вот подлинный чеховский стол.

— Кстати, раз коснулись вашей биографии, рассказите. Я знаю,

что для вас нее это было самое сильное потрясение в жизни.

— Юрий Александрович, одна из ваших профессий — драматург. Вам в вашем творчестве чеховский стол помогает?

— Нет, ябегу от этого как черт от ладана. Даже в том доме, где мой рабочий кабинет, который был в свое время построен из бревен чеховского подлинного дома (после

Вверху: главный дом в усадьбе "Мелихово". Внизу: фрагмент экспозиции

Фото М.Макарова

шаг, что называется. Уже в 1958–1959 годах я очень активно печатался в "Огоньке", с 63-го года целиком в "Советской культуре". А любовь к искусству была всегда. Образование получил в той же "Советской культуре". — В каком отрывке вы работали?

— В ИЗО, но первые три года я был отдел охраны памятников. Тогда это было очень актуально, было жесткая борьба с ЦК КПСС, но это было интересно. Скульптуру я знал профессионально. С 1974 года я член Союза художников как искусствовед в области скульптуры. По-

том что я был литературным секретарем и близким другом Сергея Тимофеевича Коненкова на протяжении 17 лет. За это время мы с ним написали девять книг, а в итоге, когда его не стало, я написал серию ЕЖД Юрию Коненкову. Она издана в общей сложности тиражом 1,5 миллиона экземпляров.

— Теперь вы директор уникального музея-усадьбы. Расскажите, когда пришла Чехова, приобрела имение Мелихово.

— Дом был куплен, как говорят, мною. Увидели объявление в газете и тут же стали оформлять

его под залогом.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— В время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-м.

— Кто был первым директором?

— Был такой Петр Андреевич Соловьев, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея. Музей открыли в флигеле, потому что ничего другого не было, и он был флигелем Серпуховского музея. Потом, по настоянию Чехова, подвернулся. Продавал художник Сарахин, декоратор театра Корша. Чехов, в то время Корша был очень болен.

— Когда же был создан музей?

— Музей был создан, думаю, в 1946 году.

— Время войны?

— Представьте себе. Хотя попытка делалась еще до войны, в 40-

ВСЕ ОБО ВСЕМ

Суда ушел "Носорог в кружевах"

Чтобы сохранить анонимность, купив носорога, да еще в кружевах почти четыре тонны и длиной более четырех метров. Поэтому такое желание участника аукциона в Дюнке, на северо-западе Франции, который приобрел скульптуру раннего Сальвадора Дали "Носорог в кружевах", у многих вызывало ироническую улыбку. В Давидовский сезон традиционно устраивают аукционы по продаже работ хороших известных, так и современных художников и скульпторов. Необычное бронзовое творение художника, впрочем, обычных пыльческого понимания этого слова? Удали никогда и не было, действительно весит 3,6 тонны, имеет длину более четырех метров, а высоту – более двух. Оно обшлось почитателям искусства знаменитому коллекционеру почты в полмиллиона евро. При этом всего за 170 тысяч были проданы скульптуры Ореста Родена "Вечная весна", отливки его же хижин, а бронзового "Иудаического слоненка". Багаты всего за 100 тысяч евро приобрел иностранец. Наступили времена, когда классическая продать трудно, а работы современных мастеров идут нарасхват.

Юрий УЛЬЯНОВСКИЙ

Париж

Приключения древнего обелиска

Любопытная выразительная пропись в связи с отказом Италии от древнего обелиска, вывезенного из страны во время вторжения Муссолини. "Эфиопия твердо стоит на своей позиции – восстановленный обелиск больше не может откладываться", – подчеркивается в заявлении МИДа. – Мы и без того годами проигрывали максимум терпимости почты в полмиллиона евро. При этом всего за 170 тысяч были проданы скульптуры Ореста Родена "Вечная весна", отливки его же хижин, а бронзового "Иудаического слоненка". Багаты всего за 100 тысяч евро приобрел иностранец. Наступили времена, когда классическая продать трудно, а работы современных мастеров идут нарасхват.

Юрий УЛЬЯНОВСКИЙ

Париж

С момента окончания Второй мировой войны Эфиопия иск не будет возвращать, так как в пути ему может быть причинен вред. Посол Италии в Аддис-Абебе был немедленно вызван в МИД для объяснений. Более чем 20-метровый обелиск был вывезен силами древнего царства Аксума, находившегося на севере современной Эфиопии, в 396 году в знак победы итальянского оружия. Ческо-итальянские лет итальянцы были разгромлены, но памятник так и остался. С момента окончания Второй мировой войны Эфиопия иск добивалась реституции монумента, простоявшего в Аксуме 3 тысячи лет. Итальянцы, в принципе, давно согласились удовлетворить это требование, но времена, когда обещают по-прежнему стоять перед штаб-квартирой Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО).

Андрей ПОЛЯКОВ

Найроби

"Лебединое озеро" без цензуры

Китайский балет, который является лучшей труппой в Китае, на этот раз впервые за последние десять лет поставил полную версию Петра Чайковского "Лебединое озеро". По словам ее художественного руководителя Синь Ли, раньше труппа показывала "Лебединое озеро", начиная только со второго акта. Премьера спектакля состоялась 2 августа на сцене лужанского Большого театра. Заявления Синь Ли, лужанский балет заплатил 60 тысяч долларов художественному руководителю Альгейского национального балета Директу Дину за право исполнить "Лебединое озеро" в его постановке. Это первое приобретение, сделанное когда-либо лужанской частной компанией за всю историю ее существования.

Владимир ФЕДОРУК

Пекин

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Русская фаворитка норвежской королевы

Золотого успеха на Международном конкурсе вокалистов имени Нильса Норвиге Соня добилась солистки Марининского театра Галины Сидоренко – она заняла второе место. Победу одержала норвежская певица Мартина Каарен Сельберг. Третья премия у немецкой баритона Иорка Феликса Шлеера. По решению организаторов конкурса Галине Сидоренко (меццо-сопрано) были предложены артисты из оперы "Самсон и Далила" Сен-Санса и Леоноры из оперы "София" Доницетти. Певица считает, что награда, полученная в это время из рук королевы Сони, – это еще один серийный шаг в завершении освоения профессии. "Мне очень приятно, что премия ученика в городе, в котором в 1922 году выступил великий русский певец Федор Иванович Шаляпин. Это как бы связующая нить между Петербургом, Марининским театром, где блестит Федор Иванович и Осло – ведь два концерта, которые он дал здесь, вписаны в историю вокального искусства Норвегии", – подчеркнула Галина Сидоренко.

Николай ГОРБУНОВ

Осло

Свежий дух в "нафталиновой Европе"

"Русской дух" пришел не одну из самых известных театральных школ Берлина – во Фридрихштадтпалас, на несколько дней вышел оттуда "нафталиновую Европу". Такое название вызывали зори центнеры прекрасного после премьеры программы "Загадка Руси" в исполнении Государственного ансамбля танца "Костяк". Как рассказала продюсер ансамбля Елена Царенко, программа напоминает о необходимости в начале новой эпохи в истории цивилизации вернуться к древним мистическим знаниям и культурным ценностям. "История русской народной танцевальной культуры в XX веке – во многом история потерь и попыток вернуть утраченное, – напомнила она. – Пережив две мировые войны и революции, испытав тяжелую череду социальных катаклизмов, русское искусство оказывается вновь в плоскости фольклорной музыки и танцев пошли на убыль. Праздники народного танца не обязательно подразумевают публичное представление в залах "аль рюс", собирающее узких круг почитателей. Мы сделали его современным захватывающим шоу с использованием последних достижений техники, которое дарит зрителям одновременно путешествие в прошлое, и в будущее России".

Андрей УРБАН

Берлин

Ого любила Забиба**Саддам Хусейн – еще писатель**

Газета "Аш-Шарк аль-Аусат" полагает, что Саддам Хусейн является автором нашумевшей английской любовной истории "Любовь и король". Этот роман попал множеством слухов и предложений в арабском мире, на которого клонило американское правительство. Американцы пытались аннексировать роман на предмет "исучения гипнота иракского лидера". 50-страничный роман рассказал о любовной истории могущественного монарха и удивительно талантливой и мудрой деревенской девушки. Описание сюжета происходит в античные времена на древней иракской земле, в которой цивилизации, где появился Адам и Ева после того, как спались из рая на землю". Роман построен на беседах монарха, "короля Саддама Хусейна" с Забибой, олицетворяющей культуру иракского народа, о власти, религии, Боге, любви, семье, правительстве, верности, друзьях и других человеческих ценностях и т.д.

Во время продолжительных бесед девушка признается в любви к королю и говорит об отвращении, которое испытывает к собственному мужу: "Я люблю только тебя, ты замуж за меня". И всегда ночью, когда Забиба возвращается из дворца, ее наставляет некий мужчина, в одном из которых она узнает собственного мужа.

Национальный театр в Багдаде приступил к репетициям спектакля по роману. Как сообщает агентство ИНА, это будет самая дорогостоящая в истории иракского театра постановка, обставленная пышными декорациями и массовыми сценами.

Константин МАЧУЛЬСКИЙ

Эль-Кувейт

Банановая кожура успеха

Сильвия Кристель после "Эмманюэль"

Весь мир знает Сильвию Кристель. Сегодня ее имя – такая же этикетка, как "Порваль" или "Груасси". И песня из фильма "Эмманюэль" – песнь о прекрасном теле, в котором бьется разбитое сердце, тоже знают все. Как и Эмманюэль, сыгранную Кристель – символ женской раскрепощенности в эпоху секуляризации. Впрочем, она ведь, снималась не только в этом фильме, наслушавшемся в том числе и нас, – ее преграждали и Клод Шарроль, и Роже Вадим, крупнейшие мастера французского экрана.

"Она могла бы стать европейской Марлен, – написал о ней журнал "Фигаро" ("Le Figaro"), – но девоне преобразиться в болонку, становиться все лучше, все крепче, добро и бодрому виду. Но успех, буквально брошенный ей под ноги, оказался банановой кожурой".

Она родилась в Утрехте, в кальвинистской семье, в 1952-м. Еще в юности мужчины говорили ей: "Какие прекрасные глаза! Какая силуэт! Вы рождены, чтобы быть манекенщицей". Она хотела стать ученой начальной школы, а работала машинисткой. Но в 1973-м сбежала в Амстердам, где ее быстро выбрали "Мисс Европа".

Голландскую карьеру звезды артизации гротескного романа Эмманюэль Арсан не предсказали никто. Невозможно было приступить для осуществления этого проекта ни известного режиссера, ни карибскую звезду с европейским именем: она-то своей репутацией дорожила. Фильм поставил фотограф популярного журнала Дикст Джекин. А "мисс Европа" сыграла главную роль.

И этот фильм, первая ласточка звезды кино в добродушной и еще не вполне благополучной Европе семидесятых, удиржался на экранах Елисейских Полей целых одиннадцать лет. С 270 000 посмотрели "Эмманюэль". Но это был отравленный подарок. "Когда фильм вышел, моя мать стала стыдиться меня, а друзья перестали со мной разговаривать", – прознавалась Джаст Джекин. "Меня третировали как последнюю скучку", – говорила Сильвия Кристель. Долго оба были в стени этой золотой клетки. Попытались вместе повторить успех звезднического жанра на ином, классическом уровне – Джастин сыграл Кристель в роли леди Чаттерлей в экранизации знаменитого романа Лоуренса. Но вышло хорошо. Джекин уехал в Голливуд, но не смог стать звездой с американской продукцией.

А Кристель иногда снималась, но нигде не блестела. "Она постоянно входила замуж и разводилась, при этом в 80-е годы пила по лицу водки в день", – пишет "Фигаро". В середине 90-х она снова снялась в очередном продолжении приключений Эмманюэль, успех которой к этому времени давно сошел на нет.

И тогда новое увлечение – живопись – стартовало ее кинематографической карьере.

"Я всегда ненавидела сниматься в эротических сценах", – говорила

С. Кристель

она теперь журналу "Эль". – Я ведь, нигде не блестела. "Она постоянно входила замуж и разводилась, при этом в 80-е годы пила по лицу водки в день", – пишет "Фигаро". – Всегда ведь давно конечно". Да, сексуальная революция давно завершилась. Но фильм Джаста Кинена так и остался ее

главным символом. Как и прекрасное тело и обещающий взгляд младой Сильвии Кристель.

По материалам зарубежной печати подготовлены Дмитрий САВОСИН

Тигр затаился и готов к прыжку

Азиатское кино бросает вызов Голливуду

Вверху: снимает Аишвари. Внизу: режиссер В. Каррай

На кинематографической карте мира возникла и уж уверенно о себе заявила еще одна "фабрика грэс". Наряду с Голливудом и Болливудом (так называют теперь индийское кино) как-то незаметно появился Аишвари – кинематографист Юго-Восточной Азии, совершенно особой, но похожей ни на американскую, ни на европейскую.

Ранее утром, но солнце уже падало на землю. Успели прогуляться в парке Тайландца Као Як, превращенном в античную площадку, юпитер рабочий, Сорок участников массовки, одетых в костюмы 30-х годов, обливаясь потом, пытаются изобразить восток от свадебной церемонии на "французской" вилле. Тут же самые знаменитые тайландинские актеры из Таиланда. Король, Япония и Китай, а также китайские девушки из Гонконга. Соня Кристель, которая хотела снять фильм о любви и королеве, снялась в этом фильме. Актриса из Гонконга, которая хотела снять фильм о любви и королеве, снялась в этом фильме. Актриса из Гонконга, которая хотела снять фильм о любви и королеве, снялась в этом фильме.

Каррай Чан умер в успехе фильма не только от Банника, до Токио, но, вполне вероятно, и в Европе.

Сегодня кинематографическая лига Юго-Восточной Азии находится в чистом поле.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

Сейчас в Азии нет ни одного фильма, который бы мог конкурировать с Голливудом.

АНДРЕЙ АДОСКИН:

Сегодня люди духовного склада – это белые вороны

Народный артист России Анатолий АДОСКИН, один из старожилов Театра им. Моссовета, известный артист и по своим многочисленным работам в кино, – из тех творческих людей, обращение к которым не нуждается в специальном информационном поводе.

Проживший большую жизнь в искусстве, склонный к наблюдению и к пристрастному, порой ироничному анализу происходящего, Анатолий Адоскин, даже рассказывая о себе, говорит о времени, о выдающихся деятелях театра, с которыми свела его судьба. При этом открывает в знакомых событиях и лицах новые, неожиданные черты.

– Анатолий Михайлович, вы, наверное, мечтали о сцене с детства?

– Да нет, я даже не думал об этом никогда. Моя родители были из комсомола, можно сказать, деревенской комсомолии, прошедшей весь путь становления ССР. Семья была не то что бы мещанская, но и далеко не советская интеллигентия. Скорее служаки, вынужденные начинать с низов.

А когда началась война, вся наша школа уехала в эвакуацию, и в Москве у меня остался только один друг, мальчик, с которым я сидел за одной партой. Его отец работал инженером в доме, где жили артисты – Никонировы-Даниленко, Кильнер-Чекова и другие знаменитости... – я ходил к нему во двор играть в волейбол. И однажды, когда я, уходя после игры, захотел пить, один из мальчиков – сын спортивного артиста – пригласил меня к себе. Я зашел в квартиру, услышал звуки фортепиано, красивый баритон – это его папа распевал, а потом и сам папа распевал, а потом и сам папа распевал, а потом и сам папа распевал.

Кстати, как раз в это время со мной произошло совершенно удивительное событие.

Мы тогда еще не были призваны в студию Завадского. Но проблема была в том, что одновременно я учился еще и в автореалистичном техникуме, причем учился очень плохо, занятия пропускал постоянно. Я ведь тогда уже у Бониной занималась, а техникум – это было абсолютно не мое. Ну меня и вынуждили отдать в один прекрасный момент. Дома в этом прятаться было нельзя – я жил с мамой и бабушкой, отбыл был на фронт. А в техникуме мне давали рабочую карточку – 600 граммов хлеба! Так что мой ход оттуда становился очень серьезным ударом по семейному бюджету. Поэтому я решил пойти в студию Вахтанговского театра, так как узнал, что там студенты дают рабочую карточку. Только за карточкой – учиться я хотел у Завадского. В общем, я пришел туда, мне говорят: «Ты не можешь приходить». Страшно: «А кто руководитель? Мне говорят: «Борис Ефимович Завадский». Я спросил его: «А почему вы не хотите, чтобы я пришел к вам?» Тогда я знал, что это студия Ефима Ефимовича.

Сейчас могу сказать, что все мое музыкальное образование, как потом оказалось, вполне приличное, я получил именно тогда.

А потом кто-то из ребят мне сказал: «Если хочешь быть оперным певцом, то нужно знать не только музыку, но и искусство драмы, есть кружок, тебе надо пойти туда». Вот так, с кружком, все началось. И пришло меня в итоге в очень хорошую драматическую студию. Руководил ею актер Театра Ермолова, любимый ученик Хиленева, Константин Науменко. Вонес, впоследствии известный кинорежиссер. У Вонеса в мастерской была замечательная студийная атмосфера. Новиков принимал всех студий, существовал целый обряд. Сват в зале был привлечен, входящих высвечивали лучом. Самого Вонеса было вообще не видно. Он, а потом и остальные студийцы задавали вопросы. Нужно было читать стихи, прозу, этюды делать. И после общего обсуждения тебе обивали, принят ты или нет.

Стюки читать я категорически не умел – мое это казалось таким неестественным! Но, как говорили, занятие делает этиоты. Почему даже не знал, что это такое. Когда мне предложили ситуацию, я вместо того, чтобы пропирать ее, выдал длиннющий литературный монолог на заданную тему. В полной тишине! Меня попросили выйти. И после долгого обсуждения все-таки рискнули принять с по-меткой за странность».

– В каких же студиях занималась, кажется, и Анатолий Эфрос?

– Си пришел через неделю после меня. Я уже был пополненным членом студии и имел право принимать новичков. Всешел молодой человек в синем сюртуке, в кепке, кто и был Эфрос. «Кто вы?» Он сказал: «Токарь четырехкратного Гран-при на авиационном заводе».

– «Что будете читать?» – «Птицетрянку "Гоголя". Могу гордиться: и мой голос был подан за него.

– А в Театр Моссовета как попали?

шлась ее семья – в Румынии. Она ведь с двадцати лет не знала о них ничего, кроме того, что они эмигрировали. Раневская поехала к ним. Оказалось, они знали, что Раневская очень популярная в Советском Союзе актриса, читали о ней. Жили они бедно. Но и у самой Раневской тоже ничего не было! А в это время Завадской в Бухаресте ставил «Бийшний сад». И они встретились на приеме в посольстве. Он отдал ей весь свой горнок и предложил вернуться в театр. Таксы были взаимоотношения этих двух великих людей.

– Ваше отношение к Завадскому тоже не всегда было равнодушным?

– Деятельно, они не были простыми. Я, проработав в театре двадцать лет, ушел из театра.

Сильно до сих пор помню прощальный разговор с моим учителем, на который я долго не мог решиться.

Атмосфера официозного театра, становилась для меня невыносимой. А когда театр заключил свое с монстром советской драматургии Софоновским – на постановку его шедевра «Миллион за убийцу» – это «бульвар» стала последней каплей моего терпения. И началась путь странника – сначала в Современник, потом в Ленинском, к Эрнесту. Но Ленинск вскоре был разгромлен. А потом – самое страшное в моем жизни, потому что Анатолий Васильевич Эфрос не взял меня с собой на Бронницу. Я остался в Ленинском, туда пришли совсем другие, страшные люди. Вначале они стали со мной заниматься. Но поскольку я категорически отвергал все представления с их стороны, они стали собирать документы на оформление моей просфоры годности. И в этот момент вступили Завадский, он привез меня вернуться в Театр Моссовета. Там был очень обижен, когда я уходил. Я вернулся. И с тех пор картина Рембрандта «Возвращение блудного сына» стала для меня чем-то большим, чем шедевр живописи.

– Продолжайте этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня все это, к великому моему сожалению, оказалось никому не нужным. Где лежат уши сделанного передачи, дадут ли неквеста. А о продлении подобного «культурного цикла», как показало время, не может быть и речи.

– Вы ощущаете свою принадлежность к какому-нибудь определенному поколению?

– Ну если только к веку ХХ. И в этой штуке больше для истин. У меня были совершенно удивительные учителя. Они своим яркими уходами в далекую почу прошлого века.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня все это, к великому моему сожалению, оказалось никому не нужным. Где лежат уши сделанного передачи, дадут ли неквеста. А о продлении подобного «культурного цикла», как показало время, не может быть и речи.

– Вы ощущаете свою принадлежность к какому-нибудь определенному поколению?

– Ну если только к веку ХХ. И в этой штуке больше для истин. У меня были совершенно удивительные учителя. Они своим яркими уходами в далекую почу прошлого века.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Завадский Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.

– Продолжите этот цикл вы не собираетесь?

– Сегодня Театр Моссовета продолжает оставаться театром Завадского?

– Да. Вы знаете, да. И мы часто об этом говорим между собой. Вот как к нам приходит из других театров, все отмечают абсолютно особую человеческую атмосферу. Здесь нет склок, отношения очень добрые и все еще интимнее.